

ЕЛЕНА ПУХЛЯКОВА

ОБЩИЕ РУССКИЕ И ЧЕШСКИЕ НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ

Известное количество слов в русском и чешском языках имеет сходную морфологическую структуру и, следовательно, но своему внешнему оформлению такие слова являются общими в обоих языках. Однако сходство внешнего оформления еще не гарантирует наличия у них внутреннего тождества, т. е. семантика слова может быть и не однозначной по отношению к тому же слову другого языка.

С точки зрения стилистики, чешские и русские общие слова также могут иметь свои специфические особенности в рамках каждого языка — принадлежать к различным в обоих языках стилистическим пластам.

Растительный мир представлен общими для чешского и русского языков названиями деревьев, кустарников, дикорастущих и культурных растений, цветов и сорняков.

В современной лексике обоих языков не сохранилось общего видового названия для *arbor*. В древнечешском языке в значении дерево употреблялось слово *dřevo*, имеющееся в диалектах западной Моравии, и обозначающее лесное дерево¹⁾, в отличие от современного общечешского *dřevo* = дрова, древесина, строевой лес. Понятие *arbor* в современной чешской лексике выражается посредством слова *strom* (прежнее значение было „мачта“), которое можно сопоставить в русском языке с древнерусским наречием *стръмо* т. е. „прямо“, а также со словом *стромы* = кровельные стропила; перила (вятский говор), балясины; далее с прилагательным *стромкий* — высокий, крутой (Курская, Тамбовская и Ульяновская области), а также с украинским „стромить“ — втыкать, ставить торчмя. Все эти слова, приводимые Далем в одном гнезде²⁾, вероятно, можно в свою очередь сопоставить с праславянским глаголом *stromiti*, чешским *strměti* — торчать, возвышаться, выситься; это глаголы из которых Махек и выводит чешское *strom*³⁾.

Среди названий хвойных деревьев, общими являются:

tis — тис — *Taxus*
sosna — сосна — *Pinus*

1) Bartoš F., *Dialektický slovník moravský*, P. 1906.

2) Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, М. 1955.

3) Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého s slovenského*, P. 1957.

Чешское параллельное слово к *zosna* — *bohovice*, является производным от *bor* имеющее собирательное значение в общечешском языке: сосновый лес, а в говорах, обозначает отдельное дерево — сосна. Ср. в этой связи также древнерусское *боръ*, объединяющее оба значения. Болгарское *бор* и сербохорватское *бор* имеют значение только сосна, в отличие от польского эквивалента, в котором оба понятия разграничены: *zosna* = сосна; *bor* = лес, имеет поэтическую окраску. В современном русском языке *бор* употребляется исключительно в собирательном значении, причем это название обозначает „хвойный“ вообще, а не только „сосновый“ лес, что проявляется в уточняющем словосочетании *сосновый бор*. Быть может это различие, при широком распространении сосны на территории Советского Союза, и способствовало возникновению в последующее время, многих русских географических названий, производимых именно от слова „сосна“, а не „бор“⁴).

Название Сосноборск (в Пензенской области) прямо указывает на существование того различия, о котором говорилось выше.

Хвойный кустарник *Juniperus* известен в чешском языке под названием, которое в настоящее время отсутствует в русском языке: *jalovec*, русское можжевельник. Однако еще в последнем томе Словаря Академии Российской, изданном в 1822 году, есть слово в сходной внешней оболочке „яловец“, хотя оно уже приводится с ссылкой на статью „можжевельник“. В словаре Даля слово „яловец“ печатается без пометы „старинное“ или „диалектное“. В словарях современного русского языка название „яловец“ уже отсутствует. Это слово проникло в украинский язык (яловець) и белорусский (ядловець), по-видимому из чешского или польского языка (*jałowiec*). Название „яловец“ отсутствует в болгарском и сербохорватском языках.

Обращает на себя внимание болгарское название можжевельника *смрика* и сербохорватское *смрека*, для которых имеются сходные формы названий других хвойных пород в чешском языке: *smrk*, а в польском *smrek*, употребляющиеся в этих языках со значением ель (*Picea*). Изменение первоначального значения **jedla* — *jedlъ* (ель), в польском *jedla* (пихта), и новое название ели — *smrek*, Нич и Мошинский объясняют перенесением на пихту основного значения „ель“, после продвижения праславян далее на запад.⁵) Это объяснение, вероятно, можно применить и к аналогичным чешским названиям. Таким образом, чешское *smrk* (п. *smrek*) относилось к двум хвойным деревьям. Наличие в болгарском и сербохорватском языках параллельных слов для „можжевельник“ — особенно болгарское — „хвойна“, и чешское диалектное *chvojka* также, по-видимому, указывает на то, что название *smrk* — *smrek* с одной стороны, и „смрика“ — „смрека“ с другой, относится и к ели, и к можжевельнику, являясь лишь различным фонетическим оформлением одной и той же лексической единицы. Поэтому объяснение Буслаевым и Гротом

⁴) В *Большой советской энциклопедии* зафиксированы следующие названия: город и поселок Сосновец, поселки Сосница и Сосновое, два поселка Сосново, четыре поселка Сосновка, две реки Сосна.

⁵) Трубачев О. Н., *Лингвистическая география и этимологические исследования*, Вопросы языкознания № 1, 1959.

русского слова „можжевельник“, древнерусское можжеельникъ посредством *меже-в-ельник, т. е. „растущий между ельником“, объяснение, вызвавшее возражения Ягича, Фасмера, Зубатого, — сближающее „ель“ и „можжевельник“ — быть может, все же не лишено основания.⁶⁾

В русских говорах Сибири слово „яловец“ полисемично. Однако среди его значений отсутствует значение *Juniperus*: большой горшок; грива; гребень из конских волос на шишаке.⁷⁾

Другие объяснения этого слова приводятся Фасмером, который указывает на такие различные этимологии, приводимые лингвистами: сближение с „яловый“ — бесплодный и незрелый — ввиду зеленых плодов кустарника; близость слова „яловец“ к армянскому *elevin* (кедр), а также греческому *ἐλάτη* (ель).

Слово „можжевельник“ производят и от „мозг“, подразумевая под этим лучший лесной материал. У Даля имеется в качестве параллельного слова к „можжевельник“ название „арса“.

Что касается названий лиственных и плодовых деревьев, то здесь можно отметить целый ряд общих наименований, что, вероятно, объясняется распространением этих деревьев по территории расселения славян в средней и юго-восточной Европе. Так, общими названиями являются:

бук — buk (*Fagus*)
 дуб — dub (*Quercus*)
 граб — habr (hrab) (*Carpinus*)
 яблоня (яблонь) — jabloň (*Malus*)
 ясень — jasan (jaseň) (*Fraxinus*)
 жасмин (ясмин) — jasmín (fr. *jasmin*)
 клен (явор) — javor (*Acer*)
 ильм — jilm (*Ulmus*)
 ива (козья) — jíva (*Salix*)
 калина — kalina (*Viburnum*)
 каштан — kaštan (*Castanea*)
 явор (клен) — klen (*Acer pseudoplatanus*)
 липа — lípa (*Tilia*)
 платан — platan (*Platanus*)
 ракита — rokyta (rakyta) (*Salix*)
 раkitник — (*Cytsius*)
 слива — slíva (*Prunus*)
 тополь — topol (*Populus*)
 вяз — vaz (*Ulmus*)
 ветла — vetla (*Salix alba*)

Некоторые из этих общих для чешского и русского языка названий, общих по внешней оболочке, отличаются в обоих языках по семантике; другие же названия расходятся между собою в стилистическом отношении, или же различаются „масштабностью“ своего употребления: оно может быть общетерриториальным или ограниченным какой-нибудь определенной

⁶⁾ Преображенский А., *Этимологический словарь русского языка*, СПб. 1910—1916.

⁷⁾ *Опыт областного великорусского словаря*, СПб. 1852.

областью. Против мнения, высказанного Фасмером, что индоевропейское *bhāgos — бук обозначало кустарник, известный под названием „бузина“, т. е. Sambucus, выступил Кипарский. Соглашаясь с Фасмером относительно германского происхождения слова „бук“ (в значении „бук“), он считает, что „переход значения ‚бук‘ в ‚бузина‘ ботанически не обоснован“, так как в результате последних палеоботанических исследований изменилось мнение о границах распространения бука.⁹⁾

Крепость древесины бука способствовала возникновению переносного употребления названия дерева в чешском языке: zdravý jako buk.

Такое употребление этого слова отсутствует в русском языке, быть может, ввиду небольшого района распространения бука в пределах Советского Союза.

Как уже говорилось выше, формы некоторых чешских слов наиболее приближаются к русским соответствиям в диалектных вариантах обоих языков.

Таковы, например, названия следующих лиственных деревьев: hřab в чешских и словацких говорах, откуда, путем смежной перестановки в современном литературном чешском языке — hrb (ср. также перестановку по смежности в названиях животных: karp — карп; mřoř — морж), далее:

jaseň в моравских диалектах — лашском и валашском — являющаяся одной из трех древнечешских форм этой лексической единицы (но со смягченным конечным „н“), тогда как вторая — jasan — осталась в современном чешском языке, а третья — также диалектная — представляет собой омоним, название рыбы (язь) — jeseň⁹⁾.

К общим — общенародным в одном языке, и диалектным в другом — принадлежит далее чешская диалектная форма названия rakyta (литературная форма rokyta), русское ракита. Впрочем и rokyta и vetla — ветла вытесняются новейшим названием „vrba“ — „верба“¹⁰⁾. Ср. однако: верба = кощичку и Вербное воскресенье = Květná neděle.

Сюда же можно отнести название и плодового дерева — jablňo имеющее русское соответствие в „яблоня“. Однако древнерусская форма яблонь сохранилась в лубочных изданиях и сказках, записанных А. Н. Афанасьевым¹¹⁾. Например: „яблонь — матушка“.

Эта запись сделана в Курской области. Та же форма названия в словаре под редакцией Ушакова, имеет помету „областное“. Однако считать форму яблонь исключительно областной, вероятно, все же не следует, так как во-первых, в одной и той же сказке встречаются оба варианта:

Сел под ту яблонь

Одна яблоня

№ 168

во-вторых, в словаре Даля они приводятся как равнозначные, без помет.

⁹⁾ Кипарский В. Р., *Сборник ответов на вопросы по языковедению*, М. 1958, стр. 179.

⁹⁾ Machek V., *Česká a slovenská jména rostlin*, str. 132, P. 1954.

¹⁰⁾ Там же.

¹¹⁾ Афанасьев А. Н., *Народные русские сказки*, М. 1957, №№ 113 и 168.

Кроме того, Преображенский даже считал форму на „-ня“ менее употребительной (разрядка моя - Е. П.).

Быть может, окончательному вытеснению формы яблонь формой на „-ня“, способствовала аналогия варианта яблоня с названиями других плодовых деревьев как „вишня“, „черешня“, не имевших вариантов на „-нь“, тогда как, напротив, чешские формы на -ň являются типичными для этого рода названий (ср. broskvoň — персиковое дерево, hrušeň — груша, višeň — вишня. Форма třešeň является литературной, общенародной, а форма на „-ňa“ встречается лишь в моравских диалектах, и потому считается областной — čerešňa, в противоположность русскому соответствию, входящему в лексику общерусского языка — черешня).

Ботанический термин может иметь вариант и не являющийся диалектизмом, но который для данного этапа развития языка уже устарел в одном из них.

Таков, например, вариант ясмин в русской лексике, который еще в первой половине XIX века считался более распространенным, чем современное название жасмин¹²).

Обычно галлицизмы позднее уступали „ученым европеизмам, восставленным в оболочке античных языков“¹³). Однако в данном случае, произошло обратное явление, и более употребительным оказался французский вариант, в противоположность чешскому языку, в котором слово имеет латинское произношение jasmín („ясмин“). Вариант ясмин зафиксирован еще в Словаре Академии Российской, изданном в 1822 г. Название этого кустарника — персидского происхождения: перс. йасаман = жасмин.

Народное — моравское — произношение слова akát как акасия, сближает это чешское название с его русским соответствием акация. Надо отметить, что в чешском языке akát обозначало также растение Mimosa (мимоза). Это название было перенесено Преслом в 1820 году и на Asacia Robini (желтая акация)¹⁴).

В русском языке под названием акация подразумеваются Asacia Caragana и Robinia желтая акация¹⁵). Čilimník (Cytisus) является заимствованием — переделкой Преслом русского названия чилижник, имеющее собирательное значение. Это слово производное от чилига (Cytisus и Caragana). Čimišník (Caragana) — также заимствование Пресла из русского чимыжник — Caragana областное волжское слово, производное от чимыга. Даль сопоставляет его с чапыжник как в определенном значении Caragana, так и в значении „частый кустарник“, „непроходимая чаща“.

Rakytník — ракитник (Hipporhae) — заимствование Пресла из русского языка, где это слово имеет собирательное значение.

Общие названия деревьев: javor, klen и явор, клен не совпадают

¹²) Булаховский Л. А., *Русский литературный язык первой половины XIX века*, М. 1955.

¹³) Там же.

¹⁴) Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, P. 1957.

¹⁵) Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, М. 1955.

по семантике в обоих языках. В русской ботанической терминологии явор (*Acer pseudoplatanus*) обозначает разновидность клена (белый клен); он растет в средней и южной Европе, а также на юго-западе Советского Союза, где он встречается в дубовых и буковых лесах, тогда как клен (*Acer L.*) или (*Acer platanoides*) растет на значительно большей территории СССР, от Архангельска до Волги, и от Ленинграда до Крыма и Кавказа, а также на юге Украины. В польском, болгарском и сербохорватском языках названия явор и клен определяют те же деревья, что и в русском языке. В чешской же ботанической терминологии *javor* — это *Acer platanoides*, тогда как *klen* — *Acer L.* или *Acer pseudoplatanus*. По мнению Махека, чешскому термину *klen* в остальных славянских языках соответствует дерево под названием *бабука* (черный клен), т. е. *Acer campestre*¹⁶). Таким образом, *javor* находит свое соответствие в клен, а *klen* в явор. Возможно, однако, что расхождение значений настало в более поздний период: древнечешское *javor* и древнерусское яворъ, переводятся и Гебауэром и Срезневским, одним и тем же латинским ботаническим термином *Platanus*, а *klen*, клень — *Acer*. Несмотря на неясность — обозначает ли *Platanus* — *P. pseudoplatanus* или же *platanoides*, и какой, именно, вид *Acer* соответствовал названию клен — тождественность латинских терминов при переводе чешского и русского ботанического названия, свидетельствует о том, что как в чешском, так и в русском языках, еще не было семантического расхождения, существующего в настоящее время. Ср. данные современных толковых словарей:

klen — *druh javoru* (словарь Травничека)

явор — вид клена (словарь под ред. Ушакова)

Эволюция в чешской лексике названия *javor* → *klen*, при русском яворъ = явор, и *klen* → *javor*, при русском клень = клен, не является единичным примером (ср. *Abies*, *Fagus*).

Ввиду того, что *klen* — явор это „дерево высоких гор“¹⁷), можно было бы предположить, что первоначальным славянским названием *Acer pseudoplatanus* был *javor* — яворъ — явор, так как, именно, на чехословацкой территории имеется более 20 географических названий, производных от слова *javor* (в Словакии, Силезии, Моравии и Чехии), тогда как в Географическом атласе Советского Союза зафиксировано только одно наименование такого рода, город Яворов, находящийся близ польской границы (Львовская область), что объясняется, конечно, незначительной зоной распространения этого дерева в Советском Союзе. С другой стороны, так как древесина клена идет на изготовление музыкальных инструментов, это противоречило бы высказанному выше предположению, если принять во внимание, что русский народный музыкальный инструмент гусли делались, именно, из явора, тогда как известно, что древесина явора идет на столлярные поделки, так же как и древесина чешского *klen*.

Таким образом, смешение названий явор и клен происходило по-видимому в русском языке в разные периоды, и продолжается еще в настоящее

¹⁶ Machek V., *Česká a slovenská jména rostlin*, str. 143, P. 1954. Об этимологическом сближении слова клен с немецким *Lehne* см. Махека и Преображенского.

¹⁷ *Ottův slovník naučný*, P. 1930—43 (1888—1909).

время, так как оба названия выступают в качестве „синонимов“, что указывает на не четкое различие обоих деревьев: явор — синоним клен белый — *javor horní, klen*,¹⁸⁾ причем оба „синонима“ сопровождаются определениями: „белый“, „horní“.

Название дерева, выражаемое посредством словосочетания, находим в *jíva rokyta* — козья ива, особый вид *Salix*. Оно представляет в славянских языках чередование названий ива и верба. Ср. белорус. вярба; укр. врба, іва; болгар. върба; сербохорв. ива; п. *wierzba*. Родовым названием в чешском языке является *vrba* (ранее может быть *rokyta*), как это убедительно доказал Махек¹⁹⁾, тогда как в русском языке оно принадлежит и вербе, и иве, (верба — *S. purpurea*), так же как и в моравских диалектах²⁰⁾ а следовательно, *jíva* соответствует русскому названию ива только с указанным определением, в то время как чешским эквивалентом к ива в родовом отношении является *vrba*.

Из общих названий кустарников, кроме вышеприведенных, следует отметить еще также *hloh* — глог, впрочем более известный в русском языке под названием боярышник²¹⁾ с характерным для обоих языков параллелизмом взрывного и фарингального „г“ —; далее названия

krušina — крушина
pustoryl — пусторыл
tavolník — тавольник

Два последние названия являются ботаническими заимствованиями Пресла из русского языка; к этой же группе наименований относится и *rozmarýn* — розмарин.

Названия культурных растений:

<i>bob</i> — боб	<i>chmel</i> — хмель
<i>len</i> — лен	<i>mák</i> — мак
<i>oves</i> — овес	<i>proso</i> — просо

обозначают одни и те же виды в общенародной лексике чешского, русского, а также болгарского, сербохорватского и польского языков.

Другие названия огородных культур могут считаться общими в чешском и русском языках только лишь в своих диалектных оболочках. Так моравское *chřen* из древнечешского *chřen*, при современном общечешском *křen* (может быть под влиянием нем. *Kren* — заимствованное из славянских языков) близко к русскому соответствию хрен, так же как и моравское название *petruška* — петрушка при общечешском *petržel*, быть может является прямым заимствованием из русского или польского языка, ср. польское *pietruszka*.

¹⁸⁾ Пуме Н., Паньков Б., Я. Сприганцль, *Русско-чешский земледельческий словарь*, II. 1951.

¹⁹⁾ Machek V., *Česká a slovenská jména rostlin*, P. 1954.

²⁰⁾ Там же.

²¹⁾ Однако в словаре Даля „глог“ это *Cornus Sanguinea*, а „боярышник“ — *Strategus*.

Русские, словацкие и моравские диалектные формы с „ф“ в названии шалфей (Salvia) ср. šalfiovský и šalviový²²⁾ при общечешском šalvěj (женского рода), объясняют влиянием немецкого произношения²³⁾.

Вариант *tykva* — моравский диалектизм (ср. болгар. тиква; сербохорв. тиква; п. *tykwa*), при общечешском *tykev* — аналогичен колебанию в древнерусском языке между формами *тыкъва* = тиква и *тыкы* = *тыкъвь*(ъ). Ср. в этой связи также названия чеш. *brukev* и рус. брюква. Чешскому термину в русском языке соответствуют два: тиква и кабачок, (ср. также чеш. *turek*). Что касается моравской диалектной формы *jaštej*, то она обозначает не хлебный злак, а совпадает по значению с его русским омонимом — обозначающим глазное заболевание, общечешское *ještěně zpo*.

Впрочем, русское произношение слова ячмень в обоих его значениях, благодаря редукции предударного „а“, близко чешскому произношению *ječmen* (злак): *ечмень*²⁴⁾.

Чешское название *kapusta* = кудрявая капуста, указывает на семантическое расхождение *внутри* общей родовой категории *Brassica*, и в то же время является примером близости в семантическом отношении моравских диалектов к русскому языку, так как в горнянском говоре, принадлежащем к моравским диалектам, название *kapusta* обозначает *zelí*, т. е. русское капуста. В древнечешском языке не было четкого разграничения между обоими терминами — Махек прямо указывает на первоначальное значение *kapusta* = *zelí*²⁵⁾, так что *kapusta* = капуста, а это свидетельствует о сохранении в моравских диалектах до настоящего времени более раннего, общего с русским, названия.

Древнечешское название *dýň* относилось к двум видам плодов: перо и мело, тогда как древнерусское дыня употреблялось в значении перо. В современном чешском языке это слово имеет два русских соответствия: дыня (*Cucumis melo*), и тыква (*Cucurbita pepo*).

Наличие восточноморавского *tatarka*, при общечешском *rohanka* (Махек), указывает на связь этого диалекта с западнорусским татарка, что означает греча (Даль), при общерусском значении „дудчатый многолетний лук“. Кроме того Даль указывает и другие значения этого слова: дыня; пшеница; растение *Cirs. eriophorum*.

Чешское *kmín* (*Carum carvi*) имел в русском языке два соответствия: кмин и тмин, название, заимствованное из греческого (Преображенский, Махек), или из немецкого языка (Фасмер). Обе формы приводятся еще в словаре Даля как две отдельные статьи; в словаре Преображенского — с пометой: „чаще тмин“. Вариант кмин сохранился в современном украинском языке, кмен — в белорусском, но в современных русских словарях вариант кмин уже отсутствует. Даль отождествлял растение тмин с тимьяном — *Thymiana*: „тимѣанъ, тимонъ, растение темѣанъ, тминъ“. Быть может, именно, сходство, ведущее к смешению названий

²²⁾ Bartoš T., *Dialektický slovník moravský*, P. 1906.

²³⁾ Machek V., *Česká a slovenská jména rostlin*, P. 1954.

²⁴⁾ Труды Московской Диалектологической Комиссии, РФВ, 1916, сообщение Н. Терлецкой.

²⁵⁾ Machek V., *Česká a slovenská jména rostlin*, P. 1954.

этих двух разных растений и способствовало замене начального славянского (а также греческого и немецкого) „к“ русского названия в букву „т“.

Общими чешскими и русскими заимствованиями из разных языков являются названия растений, употребляющиеся как приноски:

máta — мята (греч.)

majorán — майоран (лат.)

soja — соя (япон.)

šafrán — шафран (тюркизм из персидского языка)

Общие чешские и русские названия цветов и растений образуют три группы наименований:

1. народные,
2. заимствования из русского языка,
3. заимствования из иностранных языков.

В первую и вторую группы входят, в большинстве случаев, названия дикорастущих цветов и растений, тогда как наименования садовых цветов, декоративных, оранжерейных и комнатных растений, могут быть отнесены к третьей группе.

Лесные и луговые травы и цветы, издавна обращали на себя внимание человека. Он учился различать растения, чтобы использовать целебные свойства трав и, наоборот, распознавать среди них вредные и ядовитые. Люди обращали внимание на форму листьев или плодов растений, находили в них сходство с предметами, животными, или частями тела, запоминали их вкус, цвет, запах, подмечали особые свойства растений, и в результате появлялись меткие названия, характеризующие особенности того или иного растения. В некоторых случаях эти названия могли быть не одинаковыми на всей территории страны — в одном крае часто бытовая одно название, в другом — другое. Так, Даль в своем словаре отмечает для *Asarum europaicum* такие, например, названия:

копытник; копытень; копытки; подорешник; подлесник; черный лютик; винный корень; сухой водолен; волосник; сердечная; облапа; охватка; скипидарный корень; дикий перец; пхиховник.

В то же время, одно из этих названий является общим в чешском и русском языках:

koruťník — копытник, что свидетельствует о первичности, вероятно, именно этого названия, которое и является основным, как это можно видеть по трем первым наименованиям *Asarum europaicum*, образованном от одной и той же основы. Ср. также у Махека, в книге о чешских и словацких названиях растений (стр. 53):* копытник можно считать древним названием²⁶⁾.

Напротив, лягушник является наименованием различных растений: *Calla palustris*, *Hydrocharis*, *Silybum*, *Ranunculus* (жабник). Это слово представляет собой заимствование — переделку Пресла: *lakušník*. Однако в чешском языке это название обозначает растение *Batrachium*, которое в народе известно как *žabník*.

²⁶⁾ Там же.

Далее, в обоих языках совпадают в семантическом отношении названия растений:

Atriplex	— lebeda	— лебеда
Arctium	— lopuch	— лопух
Datura	— durman	— дурман
Lycopodium	— plavuň	— плавуи

это также заимствования Пресла из русского языка, тогда как *korušník* (*Hedysarum*) является переделкой Реусса пресловских *korejšník* — *korušník* из русского названия растения копеечник, как это известно из этимологического словаря В. Махека.

Kamýšek (*Holoschoenus*) представляет собой переделку заимствованного Преслом *kamuš* — камыш (*Agundo*), и является параллельным словом к общепринятому чешскому названию *rákos*. Пресл заимствовал также из русского языка слово *kavyl* — ковыль (ковыл) — *Stipa*. Даль допускает возможность происхождения названия этой степной травы от следующих глаголов: вилять; ковылять; колыхаться.

Название *katrán* (*Crambe*) Пресл заимствовал из русского катран, которое обозначает, однако, не только растение *Crambe* как в чешском языке, но и *Statice Gmelini*.

Из греческого — латинского источника заимствован ботанический термин *usor* — иссоп.

Далее сюда можно отнести слова:

šřavel — щавель (*Rumex*), (однако „заячий щавель“ — *Oxalis*) *šater* — шатер (*Cypripedium*), имеющий в русском языке также другое, образное название „перекати поле“; может быть в происхождении такого наименования сыграла роль быстрота с какой кочевники раскидывали и снимали свои шатры.

Некоторые из общих чешских и русских названий растений совпадают лишь по внешней оболочке, но отличаются между собой по семантике, обозначая разные виды растений, даже в тех случаях, если эти названия являются заимствованиями из русского языка как:

Lythrum — *kurpej* кипрей — *Epilobium*

Hibiscus — *prosvirník*

просвирник — *Malva L.* и др. а также совпадавшее ранее ботаническое название *podběl* (вначале *Petasites*, позднее *Tussilago*); подбел (*Petasites*); далее растения:

сиротка — *Bulbocodium ruthenicum*

sirotka — *Colchicum*; *Bellis*, *Viola*

жабник — *Ranunculus*; *Filago*

žabník — *Batrachium*; *Alisma*

Кроме того, имеются несоответствия и другого рода: некоторые названия растений, общие в чешском и русском языках, совпадая в семантическом отношении, т. е. называя по-чешски тот же вид растения как и по-русски, отличаются своей стилистической окраской, а также имеют параллельные слова, принадлежащие, однако, к другой разновидности речи.

Название фиалка в русском языке является единственным, для обозначения этого цветка. Оно употребляется как в ботанической терминологии,

так и в общеразговорной лексике. Не имея стилистической окраски, слово фиалка принадлежит, таким образом, к нейтральной лексике и не имеет параллельного слова в другой стилистической категории. Однако чешское *fialka* имеет книжное соответствие в названии *violka* („f“ вместо „v“ возникло под влиянием немецкого произношения)²⁷⁾.

Название *podsněžník*, в большинстве случаев является ботаническим термином, при обиходно-разговорном *sněžěnka*, принадлежащем к нейтральному лексическому пласту. В русском языке подснежник — ботанический термин. Это название не имеет стилистической окраски.

Народное и диалектное (моравское) название *medunica* при общечешском *plícník* (*Pulmonaria* и *Symphytum*) из *medrnica* — *modronika modrý* — синий) имеет русское соответствие не только в медуница — ботанический термин, но и в народном наименовании „синенький корешок“.

Книжному чешскому названию *verbena* — в обиходно-разговорном языке соответствует слово *sporyš*. В русской лексике название растения вербена является нейтральным названием.

В противоположность русскому названию незабудка — нейтральное слово без стилистического оттенка — чешское название цветка *peza budka* является поэтизмом. В обиходно-разговорной лексике ему соответствует слово *ropušek*.

Среди названий садовых цветов, также есть общие для чешской и русской лексики, что объясняется общими заимствованиями из иностранных языков. Например:

Aster — *astra* — астра
Hyacinthus — *hyacint* — гиацинт
Rezeda — *rezeda* — резеда
Tulipa — *tulipán* — тюльпан

У последнего названия наблюдались колебания между вариантами: тулипан, тутьпан, тьюльпан, ср. персидское название цветка: *dulband*.

Matthiola — *levkoje* — левкой (также и левкое)²⁸⁾, греч. *λευκός* (белый) — более известен в чешском языке под названием *fiala*, а *Leucoium* левкой — как *bledula*. К этой же группе можно отнести и названия декоративных, оранжерейных и комнатных растений:

Palma — *palma* — пальма
Rhododendron — *rododendron* — рододендрон,
а кроме того и названия южных плодов как:
Ananas — *ananas* — ананас (ср. малайское *panas*)
Musa — *banan* — банан (ср. араб. *banān* = палец),

и другие названия, ставшие международными ботаническими терминами. В некоторых случаях они несколько различаются друг от друга по морфологической структуре, как например, цветок *gladiol(a)* — гладиолус.

²⁷⁾ Там же.

²⁸⁾ Преображенский А., *Этимологический словарь русского языка*, СПб. 1910—1916.

Однако это слово известно преимущественно как название декоративного растения.

Кроме названий растений, сходными по внешней оболочке и по семантике являются слова, посредством которых в обоих языках обозначают различные части или органы растений, как например:

jádro — ядро	kořen — корень
list — лист	plod — плод
semena (форма множ. ч.) — семена	
suk — сук	tyčinka — тычинка
pestík — пестик	šiška — шишка,

а также общее собирательное название tráva — трава.

Из данных приведенного обзора, можно видеть наличие большого количества общих чешских и русских названий деревьев, кустарников, цветов и трав, причем термин общий ограничивается узкими рамками внешнего оформления слова в наиболее близкой форме, к форме того же слова в другом языке. Источниками этих общих названий являются, как это указывалось, выше их общее славянское происхождение; заимствования из русского языка, автором которых в большинстве случаев был Пресл, а также общие заимствования из иностранных языков.

NOMS DE PLANTES COMMUNS EN RUSSE ET EN TCHÈQUE

Dans le lexique russe et tchèque, il y a un certain nombre de mots, qu'on peut nommer communs parce qu'ils ont une structure morphologique analogue.

Toutefois, malgré leur ressemblance extérieure, qui peut être souvent seulement apparente — les mots appartenant à ce groupe peuvent différer par la sémantique, comme par la stylistique.

Il s'agit dans cet article de confronter l'un de ces groupes, notamment le groupe des noms de plantes russes et tchèques, et essayer de déterminer leur distinction sémantique et stylistique.

JMÉNA ROSTLIN SPOLEČNÁ V RUŠTINĚ A V ČEŠTINĚ

Slovní zásoba ruštiny a češtiny obsahuje jistý počet slov, která lze nazvat společnými, protože mají podobnou morfologickou strukturu.

Nicméně přes svou vnější podobnost, která může být často jen náhodná, mohou se slova patřit do této skupiny lišit jak sémanticky, tak i stylisticky.

V článku konfrontuje autorka slova jedné takové skupiny, totiž skupiny ruských a českých jmen rostlin, a pokouší se postihnout sémantické a stylistické rozdíly mezi nimi.

